

РЕАЛЬНОСТЬ И ТЕОРИЯ

КИТАЙСКИЙ ПРОЕКТ ДЛЯ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

АНДРЕЙ ВИНОГРАДОВ

РУДН, Москва, Россия

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

Резюме

«Великая китайская мечта о возрождении» неотделима от восстановления позиций Китая на международной арене, в Восточной Азии в первую очередь, но и на Евразийском континенте в целом. С начала реформ в 1978 г. Пекин постоянно расширял свои контакты с внешним миром, первоначально в качестве перспективного и ёмкого рынка для промышленного оборудования, технологий и инвестиций, а с начала XXI века – в качестве активного участника институтов глобального управления. Деятельность в многосторонних форматах позволила Китаю накопить значительный опыт участия в международных делах, особенно на региональном уровне. На глобальном уровне активность Китая сдерживали не только противодействие Соединённых Штатов, но и специфические особенности китайской цивилизации и его модели развития. В этом контексте концепция «сообщества единой судьбы человечества», выдвинутая Си Цзиньпином, означала не универсализацию и унификацию, а, наоборот, право стран и регионов на многообразие путей развития и форм международного взаимодействия между малыми, средними и крупными державами. Развернувшееся в последние годы соперничество между Китаем и США в Азии означает не только борьбу за лидерство в регионе, но и столкновение двух концепций международного порядка, построенных на разных подходах и ценностях. Проект «Пояс и путь», первоначально предложенный в качестве двух региональных и не связанных друг с другом инициатив для Центральной и Юго-Восточной Азии, превратился после их объединения в первую китайскую внешнеполитическую стратегию глобального масштаба. Её реализация бросает вызов интеграционным усилиям России на постсоветском пространстве и требует от обеих стран поиска новых инструментов и форм взаимодействия.

Ключевые слова:

Пояс и путь; Китай; Евразия; регионостроительство; сообщество единой судьбы; Россия; сопряжение.

На протяжении большей части истории Китай считал себя центром мира, выполняющим мироустроительные функции. Начавшееся в 1842 г. «столетие национального унижения» в первую очередь означало утрату этого места и превращение его в мировую периферию. Тем не менее уже вско-

ре после образования Китайской Народной Республики (КНР), в конце 1950-х годов, Пекин громко заявил о возрождении своих амбиций, оспорив лидерство Советского Союза в мировом коммунистическом движении. В 1974 г. Мао Цзэдун представил международному сообществу концепцию

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00165).

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.12.2020

Дата принятия к публикации: 07.04.2021

Для связи с автором / *Corresponding author:*

Email: vinogradov-a.v@mail.ru

«трёх миров»¹, которая отводила развивающимся странам во главе с Китаем ведущую роль в мировом революционном процессе и одновременно в архитектуре будущего мира. Этот проект так и не был реализован, прежде всего по причине экономической и технической отсталости КНР.

В начале 1980-х годов идея создания собственного международно-политического пространства исчезла из списка приоритетов китайской политики, страна сосредоточилась на решении внутренних проблем. Эпоха войн и революций сменилась эпохой мира и развития². Продолжением этого курса стали наказания Дэн Сяопина своим преемникам: не конфликтовать со сверхдержавами, не брать на себя инициативу, не ломать международный порядок, «не высовываться» [Портяков 2015: 15]. Завершающим штрихом новой внешнеполитической доктрины стал отказ от принципа пролетарского интернационализма на XIV съезде Коммунистической партии Китая (КПК) в 1992 году. Пекин освободился от бремени международных обязательств по переустройству мира и перевернул страницу.

Постбиполярный мир привёл внешнеполитические амбиции Пекина в соответствие с его реальным потенциалом, заставив отказаться от роли глобального действующего лица, игравшего на противоречиях сверхдержав. Понижение международного статуса было компенсировано благоприятной внешней конъюнктурой, которая способствовала успеху экономических реформ и открыла перед Китаем перспективы обретения глобального экономического статуса. Реализация главного конкурентного преимущества — дешёвой рабочей силы — зависела не только от соединения с передовыми зарубежными технологиями и инвестициями, но и в ещё большей степени от выхода на внешние

рынки. Курс на открытость, непосредственно предшествовавший экономическим реформам, непрерывно углублялся. Стратегия «выхода вовне» (*цзоучуцуй*, 1999) [Островский 2007: 199] и присоединение к Всемирной торговой организации (ВТО) в 2001 г. придали формуле китайского «экономического чуда» завершённый вид — дешёвая рабочая сила, зарубежные инвестиции, технологии, природные ресурсы и рынки. В отношениях Китая с окружающим миром произошли фундаментальные изменения: внешняя среда перестала быть объектом переустройства и превратилась в важный фактор внутреннего развития.

Между тем последовавшие за этим двадцать лет демонстрируют обратный процесс — возвращение Китая на мировую арену в качестве глобального игрока, обладающего не только политическими амбициями, но и широким арсеналом экономических, военно-политических, культурных и идеологических средств для их реализации, то есть всем необходимым для полноценного участия в строительстве нового порядка, который идёт на смену существующему³.

1

На начальном этапе реформ главными для Китая были отношения с развитыми капиталистическими странами — основным источником технического перевооружения и потенциальным рынком для китайского экспорта. Другие страны, прежде всего соседи по Юго-Восточной Азии (ЮВА), выступали в роли естественных конкурентов и не представляли особого интереса. В конце 1980-х — начале 1990-х годов в обстановке сначала наложенных на Китай санкций после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, а затем и ликвидации глобального противостояния сверх-

¹ Дэн Сяопин цзай льянь да ди лю цзие тэбие хуэйи шан фаянь. (Выступление Дэн Сяопина на 6-й специальной сессии ГА ООН). Жэньминь жибао. 11 апреля 1974 г.

² Об этом в первой половине 1980-х неоднократно говорил Дэн Сяопин, а в 1984 г. её окончательно сформулировал. См.: [Дэн Сяопин 1988: 58, 59, 125; 2004: 151, 153].

³ О неизбежности и возможных вариантах нового порядка написано, например, в работе А. Ачарии. [Acharya 2014: 106–113].

держав стала формироваться концепция «пояса добрососедства» [Мамонов 2010: 41]. Она в равной степени относилась и к соседям по Восточной Азии, и к ставшим независимыми государствам Центральной Азии (ЦА). Возникли два главных региональных направления «сопредельной» дипломатии Китая, отношения с которыми принципиальным образом отличались.

С большинством стран ЮВА у Китая складывались непростые отношения, но одновременно существовали обширные культурные связи и большой потенциал экономического сотрудничества. Со странами ЦА отношения нужно было выстраивать практически с «чистого листа». В них не было ни острых противоречий, ни особых достижений и развитых торгово-экономических контактов. Общим было то, что у обоих регионов главными партнёрами во второй половине XX века традиционно выступали другие великие державы — Россия и США. Политика КНР предполагала в качестве первичной задачи создание с этими государствами особой системы взаимодействия.

С Россией этот процесс проходил достаточно быстро и успешно. Визит Б. Ельцина в Пекин в 1992 г. стал основой для установления «нового типа отношений» между Россией и Китаем (долгосрочные и стабильные отношения добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества нового типа). В российско-китайской Декларации от 25 апреля 1996 г. констатировалась решимость двух стран «развивать отношения равноправного доверительного партнёрства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке»⁴. Принципиальная позиция двух стран по развитию постбиполярного мира была сформулирована в следующем году в «Российско-китайской совместной декларации о многополярном мире и формировании нового

международного порядка»⁵, которая была подтверждена в концепции национальной безопасности КНР (1998), зафиксировавшей идеи многополярности, взаимной безопасности и экономического сотрудничества. Таким образом, Китай, *во-первых*, заявил о готовности к деятельному участию в международных делах самого высокого уровня, хотя и не вернулся к активной борьбе с гегемонизмом. *Во-вторых*, он определился со своим главным союзником и единомышленником по ключевым для международной повестки вопросам — Россией. Это создало предпосылки для проведения новой региональной политики в Центральной Азии.

Несмотря на то что из всех соседних регионов ЦА была наименее привлекательна в качестве экономического партнёра, у неё были другие достоинства. Со странами региона у Китая отсутствовали конфликты, территориальный вопрос был решён. В то же время образовавшиеся независимые государства были открыты для внешнего проникновения и испытывали потребность в установлении разносторонних контактов, что предопределило появление особого формата взаимодействия. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), созданная в 2001 году, стала одним из первых практических воплощений доктрины партнёрств, «первой региональной организацией сотрудничества, инициированной Китаем в качестве основного учредителя» [Ю Хунбо 2009: 41].

Главным движущим мотивом деятельности в рамках ШОС было обеспечение региональной безопасности, ставшее особенно актуальным в свете исходивших из Афганистана угроз. Начавшееся ещё в советский период решение пограничного вопроса на условиях равноправия двух великих держав устранило потенциальные очаги напряжённости, которые омрачали

⁴ Совместная китайско-российская декларация (1996 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/273010.htm> (дата обращения: 15.10.2020).

⁵ Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902155> (дата обращения: 15.10.2020).

отношения Китая с соседями по ЮВА, и заложило фундамент для сотрудничества в политической области. В атмосфере стратегического взаимодействия с Россией у КНР впервые появилась возможность претендовать на роль одного из центров консолидации соседнего региона. Этим было продиктовано желание Китая придать ШОС характер всеобъемлющего регионального объединения, занимающегося не только вопросами безопасности, но и всестороннего экономического сотрудничества.

Решению этой задачи способствовало проникновение США в ЦА после событий 11 сентября 2001 года. Появление в регионе единственной сверхдержавы наделило организацию новой ролью, существенно повысив её международное значение. Опасения России и Китая относительно усиления Вашингтона способствовали их объединению для противодействия Соединённым Штатам, военное присутствие которых в постсоветских республиках ЦА было устранено к середине 2010-х годов. Вместе с тем, понимая свои слабости, Россия остерегалась появления в регионе любой третьей стороны и усиления соперничества за влияние в нём. Несмотря на усилия Китая, ШОС так и не превратилась в полноценную организацию экономического взаимодействия. Желание сохранить за объединением функции по обеспечению безопасности, в котором позиции России были непоколебимы, и не допустить укрепления Китая в экономической сфере обусловили поддержку Москвой высказанному в 2005 г. желанию Индии вступить в ШОС, где она стала бы мощным противовесом Китаю.

Позиция России была открыто изложена в Концепции внешней политики 2016 года: «Россия считает важным дальнейшее укрепление позиций ШОС в региональных и глобальных делах и расширение

её состава, выступает за наращивание политического и экономического потенциала ШОС»⁶. Отдав предпочтение расширению, а не углублению сотрудничества, Россия ясно расставила приоритеты. Для Китая, вышедшего на рубеже 2010-х годов на глобальный уровень, экономическое значение организации также существенно понизилось. Региональная дуополия с Россией, которую Китай рассчитывал создать в ЦА в начале 2000-х, для ставшей глобальной экономической державы теряла привлекательность. Дальнейшее сопротивление принятию Индии становилось бессмысленным. В 2017 г. Индия и Пакистан стали полноправными членами ШОС.

Несмотря на неоправдавшиеся ожидания Китая, учреждение ШОС сыграло важную роль в его внешней политике и означало выход китайской дипломатии на новый уровень. Используя рамки многостороннего сотрудничества для проникновения в регион, КНР не только получила опыт взаимодействия в рамках региональных международных организаций, но и заложила основу для дальнейших самостоятельных действий.

Отношения с соседями по ЮВА развивались иначе. С 1997 г. КНР стала участницей «АСЕАН+3». В 1998 г. подписал соглашение «АСЕАН+1», в основе которого лежало взаимовыгодное сотрудничество быстрорастущих экономик с перспективой создания КНР и странами АСЕАН зоны свободной торговли (ЗСТ создана в 2010 году). Все эти шаги способствовали консолидации региона и формированию восточноазиатского регионализма, ставшего особенно популярным у некоторых политических деятелей после азиатского финансового кризиса 1998 года⁷.

Постепенно у Пекина накапливались экономические предпосылки для того, чтобы закрепить за собой статус неформального лидера Восточной Азии. Идея

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 15.12.2020).

⁷ Хотя идея восточноазиатского регионализма стала формироваться задолго до этого [Сумский 2011: 68].

«мирного возвышения» (2003) отражала новые представления Китая о своём месте в регионе и мире и не противоречила идее восточноазиатского регионализма. Тем не менее она не учитывала опасения соседей. В отличие от великих держав, государства ЮВА первыми проявили беспокойство относительно возможного возрождения китайской угрозы [Мосяков 2012: 83–87], что заставило Китай внести коррективы в свой внешнеполитический курс. Пришедшая на смену идее «мирного возвышения» концепция «строительства гармоничного мира» Ху Цзиньтао предлагала Китаю выстраивание отношений как с великими, так и с малыми державами с опорой на растущее экономическое могущество и расширяющуюся внешнюю торговлю.

Мировой экономический кризис 2008 года, сократив присутствие США в регионе, ещё больше укрепил позиции Китая. В 2010 г. КНР стала главным торговым партнёром АСЕАН, а сохранявшиеся финансовые трудности в Соединённых Штатах заставили соседей ещё больше дорожить экономическими связями с Пекином. Приверженность эволюционному характеру возвышения привела к существенному росту внешнеторгового оборота, но не внесла принципиальных коррективов в китайскую внешнеполитическую стратегию, которая оставалась сдержанной и предполагала реагирование на возникающие вызовы, а не их создание.

2008 год внёс изменения в стратегию США, открывших для себя новую реальность. В мире нарождался динамичный регион, острая необходимость укрепить лидерство в котором осложнялась крайне неблагоприятной атмосферой экономического кризиса и усилением Китая. Соединённые Штаты предприняли ряд шагов по возвращению в Азию. В то же время эти планы не были объединены всеобъемлющим смыслом, не были тщательно проработаны. Они состояли из нескольких поисковых инициатив. С 2008 г. Вашингтон присоединился к планам строительства Транс-Тихоокеанского партнёрства (ТТП) и стали активно его продвигать. В том же

году предложили проложить Новый Шёлковый путь, объединяющий Центральную Азию, Афганистан и Пакистан, а в 2010 г. провозгласили передислокацию в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) большей части военно-морских сил. Статья государственного секретаря Х. Клинтон, призывавшая США вернуться к АТР как «региону будущего» [Clinton 2011], выглядела декларацией новых внешнеполитических ориентиров. Всё это напоминало не столько усилия по полноформатному возвращению в Азию, сколько понимание потенциальной угрозы со стороны Китая и необходимости комплексных мер по его сдерживанию.

США не хотели уступать первенство в отношениях со странами региона, но и последние, чувствуя смену архитектуры международных отношений, старались поддерживать баланс между соперничающими экономическими и военно-политическими весами – Китаем и США. Именно на этот момент в 2010 г. пришлось приглашение России и США в Восточноазиатский саммит [Сумский 2011: 72]. Наступал период стратегической неопределённости.

Неспособность Вашингтона поддерживать глобальный порядок ни в военнополитическом, ни в экономическом отношении и выполнять лидерские функции на глобальной арене привлекли внимание стран региона к возможным альтернативам. Именно в таком качестве ощутил себя Китай, обогнавший в 2010 г. Японию по объёму валового внутреннего продукта (ВВП) и вернувший себе место первой экономической державы Азии. Так, помимо экономических, у Китая появились дополнительные, символические основания для выработки большой стратегии, отсутствие которой длительное время не позволяло причислять его к глобальным державам.

Лидерство в регионе позволяло выстраивать новые отношения с США, разграничивая зоны влияния и ответственности. По мнению председателя КНР Си Цзиньпина, «АТР является достаточно большим для осуществления совместного развития» [Си Цзиньпин 2014: 403]. Китай избегал

открытой конкуренции с Соединёнными Штатами. Формулу взаимодействия он пытался найти в установлении нового типа отношений между великими державами, более справедливого, на его взгляд, чем американская G2 мягкого подчинения, от которой он в своё время отказался. Вместе с тем китайская формула мягкого выдавливания ожидаемо не устраивала США, провоцируя их на всё более энергичные действия⁸.

«Возвращение» США в Азию фактически положило начало открытой конфронтации с Китаем, но не на глобальном, к чему привыкли Соединённые Штаты, а на региональном уровне. При этом сохранение мирового лидерства могла означать только победа в региональном соперничестве. Вашингтон начал демонстрировать обязательную для единственной глобальной державы активность, которая не вызвала ответную реакцию до тех пор, пока сам Китай не ощутил себя полюсом, обладающим сферой влияния и готовностью выстраивать порядок в регионе. После 2010 г. этот момент стал стремительно приближаться.

Создание ШОС и участие Китая в форматах АСЕАН+ заложили институциональную основу для регионального сотрудничества по периметру границ. Каждый из форматов с успехом выполнял свои функции: в ЦА постепенно была поставлена под контроль угроза исламского фундаментализма, со странами ЮВА стабильно росло торгово-экономическое сотрудничество, углублялось взаимодействие в других областях (экология, транспорт и т.д.).

Как и формат взаимодействия со странами АСЕАН, институционализация сотрудничества с центральноазиатскими государствами СНГ пришлась на начало XXI века с быстро меняющейся политической обстановкой и ускорившейся глобализацией, требовавшей углублённых форматов многостороннего сотрудничества. На этом фоне Китай и перспективный

китайский рынок обретали новое место в регионе. И если сотрудничество с АСЕАН было существенным для развития экономических отношений со странами Восточной Азии в целом, то ситуация на западных границах подталкивала Китай к усилению внимания к вопросам внутренней и региональной стабильности и формированию новой внешнеполитической стратегии.

В каждом из регионов Китай развивал ту сферу, на которую была согласна ведущая держава, занимавшая до этого центральное положение в сотрудничестве с регионом — США и Россия. Однако объединить безопасность и экономическое сотрудничество ни в одном из них не удавалось. Экономическое сотрудничество в рамках ШОС развивалось медленно и противоречиво, не встречая поддержки со стороны России, и сдерживалось небольшим объёмом рынка центральноазиатских государств. С АСЕАН экономическое сотрудничество развивалось вполне успешно, но параллельно, не без вмешательства третьей стороны, стали обостряться территориальные споры в Южно-Китайском море, считающемся Китаем зоной своих коренных интересов. Переломить ситуацию ни в одном из регионов не удавалось. Скрывать свои намерения в этих условиях уже не представлялось возможным.

3

Обострившаяся борьба за лидерство поставила Китай перед сложным выбором. С одной стороны, он был одним из главных бенефициаров глобализации, которая позволила ему реализовать своё конкурентное преимущество, и, следовательно, был заинтересован в сохранении режима свободы международной торговли и экономического взаимодействия. С другой стороны, в условиях обострения соперничества с Соединёнными Штатами Китай не видел смысла вовлекаться в борьбу за преодоление кризиса постбиполярного порядка с американской сверхдержавой во главе.

⁸ Характерно, что оба варианта вписывались в мягкую двухполюсность [Караганов 2017: 18], что, вероятно, отражает доминирующую тенденцию к размягчению иерархии международных отношений.

С начала реформ главной задачей для КНР было расширение экономического сотрудничества, в первую очередь с развитыми странами. К началу XXI века, когда технико-технологические задачи были в основном решены, Китай всё больше внимания стал уделять странам Юго-Восточной и Центральной Азии, а также другим регионам. Это отражало смещение приоритетов китайского руководства с глобального, наполненного конфликтами и соперничеством, уровня на региональный, где он чувствовал себя более уверенно и обладал достаточным потенциалом для формирования своего порядка. Изменение внешнеполитических ориентиров Китая хорошо заметно по материалам международных разделов съездов КПК. На XVI съезде партии в 2002 г. появилось разделение на отношения с крупными державами, соседними державами и остальным миром. На XVII съезде КПК (2007) стратегические приоритеты Китая были уточнены: развитые страны, приграничные страны и регион Восточной Азии, развивающиеся страны, многосторонние международные организации [Мокрецкий 2019: 30–48]. Турбулентность, затронувшая в первую очередь страны Запада, создала благоприятные условия для китайских инициатив на региональном уровне. На XVIII съезде КПК (2012) была поставлена задача строительства мировой державы, зона ответственности которой не выходила за пределы региона [Виноградов 2021: 29].

Значение соседних стран традиционно было важно для Китая, но в XX веке с ними не связывалась большая стратегия. На фоне начавшегося после 2008 г. упадка возглавляемой США глобализации внимание, которое Китай стал уделять сопредельным государствам, совпало с усилением в них тенденции к регионализму. Си Цзиньпин продолжил сопредельную дипломатию Ху Цзиньтао, ещё в начале своего правле-

ния заявлявшего, что в общей конфигурации китайской дипломатии государства-соседи занимают главенствующее место и имеют стратегическое значение⁹. На внешнеполитическом совещании в 2013 г. Си Цзиньпин подтвердил, что «сопредельные страны имеют весьма важное стратегическое значение» [Си Цзиньпин 2014: 401]. Повышение внимания к региону было вызвано и другими обстоятельствами.

В первой половине 2013 г. в Пекине стали отмечать, что экспорт в США и Европу достиг точки насыщения, а задача формирования сопоставимого, способного компенсировать международный рынок внутреннего потребления, впервые поставленная после кризиса 1998 года, все ещё выглядела труднореализуемой. Китай не собирался отказываться от модели экспортоориентированной экономики, тем более что к 2010 г. для большинства стран он стал главным торговым партнёром. Снижение темпов роста внешнеторгового оборота требовало сохранения существующей системы мировой торговли и поиска новых направлений сотрудничества и рынков. Китай созрел для того, чтобы институционализировать свой новый статус. Существующие форматы ШОС и АСЕАН+, построенные на взаимных обязательствах и ограничениях с неравными по весу игроками, уже не подходили. В то же время было ясно, что стратегическая инициатива для него пока ещё была возможна только на региональном, а не глобальном уровне.

Если пробуксовка сотрудничества в ШОС и американский «разворот» в Азию предполагали поиск симметричного, свойственного реактивной политике Китая ответа, то кризис 2008 г. открыл совершенно новые перспективы. Пришедшее в 2012 г. новое руководство во главе с Си Цзиньпином смогло заново оценить ситуацию на международной арене и реальный вес Китая в мировой экономике. Оно приняло реше-

⁹ Ху Цзинь цза ди ши цы чжу вайши цзие хуйи шан дэ цзянхуа. (Выступление Ху Цзиньтао на X совещании дипломатических посланников) [胡锦涛在第十次驻外使节会议上的讲话] // People.com.cn. 2004. 30 Aug. [Электронный ресурс] <http://www.people.com.cn/GB/shizheng/1024/2748201.html> (дата обращения: 14.12.2020).

ние дополнить региональную повестку, последовательно провозгласив планы строительства Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП) и Морского Шёлкового пути XXI века (МШП), ориентированные на два ближайших региона. Первоначально эти проекты, продолжавшие и углублявшие курс в отношении ЮВА и ЦА, не были связаны друг с другом. Перед каждым из них Си Цзиньпин поставил конкретные цели.

Для ЮВА главным было то, чего не хватало в существовавших отношениях – «политическое доверие» и «стратегическое сотрудничество», «единая инфраструктура», «совместное обеспечение регионального мира и стабильности», чтобы решать разногласия мирным путём [Си Цзиньпин 2014: 395–397]. Для Центральной Азии – развитие и использование транспортно-логистического потенциала, «крупное региональное сотрудничество», «региональная экономическая интеграция» [Си Цзиньпин 2014: 391]. Эти проекты соответствовали внешнеполитической стратегии развития, главной целью которой было постепенное достижение фактического равноправия с великими державами и учёт интересов Китая. Китайская инициатива по созданию новых региональных механизмов заключалась не в том, чтобы полностью заменить существующие, а в том, чтобы их дополнить, адаптировать к текущим задачам Пекина. Вместе с тем мысль о том, что улучшать мир, в котором доминировали США, на фоне растущего противостояния нерациональна, укреплялась в сознании китайского руководства.

Выход США из многосторонних форматов, введение ими протекционистских мер и другие проявления изоляционизма до времени воспринимались как угроза экономически крайне выгодному процессу глобализации. Смириться с этим Китай не мог, но и согласиться после 2008 и 2012 годов инвестировать в американские финансовые институты и производственные цепочки не хотел и готов был пойти на создание собственного проекта транспортной и финансово-инвестиционной инфраструктуры, которая была бы широ-

кой по числу участников и закрепляла за Китаем уже обретенные им преимущества. От активного участия в глобальном управлении в качестве ответственного участника постбиполярного мира он перешёл к стратегическим инициативам на региональном и мегарегиональном уровне – *регионостроительству*.

Отдавая отчёт в возросшей экономической мощи, но ещё не ощущая себя глобальной державой, Китай рассматривал свою международную деятельность как совокупность разновекторных усилий. Именно в русле этой политики были выдвинуты инициативы ЭПШП и МШП XXI века. Китайский алгоритм не отличался, во всяком случае на начальном этапе, от тех, которые использовали развитые промышленные державы в XIX столетии. Начальной точкой было создание транспортной инфраструктуры, необходимой для встречных поставок сырья и готовой продукции.

Для многих развивающихся стран ослабление экономического лидерства США, выступавших на протяжении десятилетий главным внешним рынком и давших шанс некоторым из них превратиться в азиатских «драконов» и «тигров», заставляло искать нового лидера, который мог бы сыграть такую же роль в их развитии. Потенциал внутреннего рынка и ведущая роль в мировой торговле делали Китай естественным центром притяжения. Нарождавшийся экономический полюс был обречён найти свою периферию, как старую – слаборазвитые страны Азии и Африки, так и новую – отколовшиеся от бывшего полюса Центральную Азию, часть Восточной и Южной Европы, по которой после поражения социализма пролегли новые линии разделения. Позднее по собственной инициативе к «Поясу и пути» присоединились некоторые страны Латинской Америки, что сделало проект глобальным. Его привлекательность заключалась не в общих ценностях и идеологическом единстве, а в общих интересах – взаимном выигрыше, распоряжаться которым каждый мог по своему разумению. В отличие от биполярности, которая обеспечивала порядок,

но за счёт идеальной для противоречия внутренней структуры таила высокий потенциал конфронтации и конфликтов, многополярность, складывающаяся из множества разнообразных и равновесных отношений, была более гибка и склонна к компромиссам. КНР нашла ей формулу – «Сообщество единой судьбы человечества», предполагающую самый широкий круг участников и разнообразие связей. В Пекине стали говорить о единой судьбе Китая и России, Китая и Пакистана, Китая и Африки, Китая и Латинской Америки, Китая и АСЕАН и т.д.

Интерес, проявленный различными странами к китайским инициативам, стал важным стимулом для их дальнейшего развития. Уже в 2015 г. два проекта были объединены, а их географические рамки по умолчанию расширены¹⁰. Планы по созданию транспортной инфраструктуры были дополнены созданием финансовых институтов. В 2015 г. по инициативе КНР были созданы Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шёлкового пути, Новый банк БРИКС, предназначенные для финансирования в первую очередь производственных и логистических проектов на пространстве Большой Евразии¹¹.

Два региональных проекта, выдвинутых одновременно, свидетельствовали об активизации внешней политики, а их объединение в один выводило её на качественно новый уровень. В результате инициатива приобрела трансрегиональный характер и стала первой глобальной стратегией Китая после начала реформ. Переход от региональной

политики к глобальной, произошедший естественным путём, восполнял недостающее звено для превращения Китая в мировую державу¹².

Инициатива Си означала возвращение к традиционной китайской концепции внешней политики, характерной чертой которой является собственное геополитическое и геоэкономическое пространство¹³. В то же время она учитывала всё, что было создано в эпоху постбиополярной глобализации и борьбы за многополярный мир. Например, деятельность БРИКС показала принципиальную возможность межрегионального взаимодействия и создания объединения нового типа – не по географическому или идеологическому принципу, а по совпадению текущих проблем и интересов. Этим, в частности, можно объяснить, что в Китае часто объединяют «Пояс и путь» и БРИКС как новые концептуальные подходы к формированию системы международных отношений XXI века.

Создающаяся Китаем структура должна была сочетать несколько черт. *Во-первых*, сохранение преемственности предыдущему курсу. Открытость стала главным условием быстрого экономического развития Китая. Её возможности ещё не были исчерпаны, наоборот, они росли пропорционально его хозяйственному потенциалу. Как крупнейшая торговая держава он стал главным защитником открытой мировой экономики, что ярко продемонстрировало выступление Си Цзиньпина в Давосе в январе 2017 года¹⁴, особенно на фоне выхода США из Транстихоокеанского партнёрства.

¹⁰ В октябре 2013 г. уже после провозглашения ЭПШП и МШП эти проекты перечислялись Си Цзиньпином через запятую «для скорейшего создания единой инфраструктуры» и «для построения экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI века» [Си Цзиньпин 2014: 404]. Их объединение произошло позже [Островский 2020: 382].

¹¹ «Пояс и путь» претендует на китайский вариант новой Евразии, которая не включает Западную Европу, но включает Африку. О Большой Евразии говорит и российское руководство, очевидно подразумеваемая другой географический ареал, который больше соответствует интересам России.

¹² С приходом к власти Си Цзиньпина в 2012 г. в Китае связывают формирование идентичности глобальной державы: попытки структурирования собственного, без США и Европы, политического и экономического пространства [Цыганков, Грачиков 2015: 22–39.]

¹³ О её характерных чертах см. [Чжао Тинян 2015: 22–23, 28, 32].

¹⁴ Full Text of Xi Jinping keynote at the World Economic Forum. Davos, 17 January 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://america.cgtn.com/2017/01/17/full-text-of-xi-jinping-keynote-at-the-world-economic-forum> (accessed: 15.12.2020).

Во-вторых, многосторонний характер. В силу масштабов экономики для Китая практический интерес представляют только крупные объединения с большим числом участников. Экономическая интеграция Китая во внешний мир помимо развития двусторонних отношений сопровождалась интенсивным развитием многостороннего сотрудничества, усилившегося в период глобализации. Присоединение к существовавшим международным организациям (Всемирный банк, МВФ, ВТО) стало одним из приоритетных направлений китайской внешней политики и было закреплено в документах КПК. В 2000-х годах Китай пошёл дальше и принял участие в создании двух новых институтов глобального управления – ШОС и БРИКС, роль которых также была зафиксирована во внешнеполитическом разделе XVIII съезда КПК. В то же время, продемонстрировав альтернативу западным институтам и позволив Китаю накопить опыт многостороннего взаимодействия, они оказались недостаточно эффективными в защите его интересов и не вполне соответствовали его новому весу. Снижение темпов роста подталкивало Китай к более активной внешнеэкономической политике, заключавшейся в том, чтобы не просто искать, но и активно создавать рынки, способные поддерживать экономический рост внутри страны, а в перспективе стать надёжной основой его ведущего места в мировой экономике.

В-третьих, провозгласив строительство «Пояса и пути», Китай продемонстрировал качественно иной уровень и в плане субъектности. С самого начала это была не коллективная, а полностью китайская инициатива, и не узкого, регионального, а кон-

тинентального масштаба. Опыт участия в многосторонних форматах (АСЕАН+, ШОС, БРИКС) был в этом смысле обязательным этапом для понимания процессов формирования собственного международного порядка на периферии западного мира, глобальном Юге. Показательно, что в этот проект, несмотря на тесные экономические связи, не вошла соседняя Япония¹⁵. Основными участниками инициативы, таким образом, стали развивающиеся государства, бывший «третий мир», от представительства интересов которого Китай официально не отказывался¹⁶, а теперь смог возглавить его возвышение.

В-четвёртых, в отличие от международных организаций, являвшихся главными инструментами либеральной модели глобализации, отношения между государствами в китайской модели носят более гибкий характер и по-прежнему выстраиваются индивидуально. Статус инициативы предполагает минимальную императивность для участников, которые сами определяют меру вовлечения и границы своего суверенитета, и, самое главное, означает не конфронтацию с существующим мировым порядком, а его дополнение.

Преодолев, таким образом, в начале XXI века свою отсталость, Китай стал возрождать и собственный мироустроительный проект, положив в его основу не экономическую зависимость и борьбу с Западом, как в 1960-х – 1970-х годах, а незападную идентичность [Ло Цзяньбо 2018: 30–32], которая не помешала ему овладеть современными технологиями и преодолеть разрыв с развитыми странами. Этой мудростью Китай готов делиться с разви-

¹⁵ Республика Корея, как и некоторые другие страны, подписала Меморандум о сопряжении своего проекта, то есть просто признала существование китайского проекта и выразила готовность к сотрудничеству. Китай, в свою очередь, тоже признал корейский проект и заявил о готовности к сотрудничеству. Таким образом, форма присоединения индивидуальна, нестрога и двусмысленна, как и традиционная китайская система данничества. На май 2019 г. Китай подписал разнообразные документы о сотрудничестве со 126 странами и 29 международными организациями. См.: Информационная сеть «Один пояс, один путь». [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.brnn.com/index.html>

¹⁶ «Мы говорим о своей вечной принадлежности к “третьему миру”... и тогда, когда [Китай] станет развитой страной, богатым и могучим государством» [Дэн Сяопин 1988: 58].

вающимся миром и совместно создавать новый международный порядок.

В результате китайских усилий складывается альтернативная американоцентричной платформа со своим центром, рынком, финансовой и транспортной инфраструктурой и резервной валютой¹⁷. Она охватывает широкий географический регион, включающий в себя большую часть Азии, часть Европы, Африки и Океании и по этой причине претендует на глобальное значение. Этот коренной поворот в китайской внешней политике был зафиксирован на XIX съезде КПК (2017), где *место ШОС и БРИКС заменила инициатива «Пояса и пути», вошедшая и в Конституцию КНР*. В качестве инициатора проекта Китай получил возможность выстраивать зонтичную структуру, повторяя в этом отношении региональные стратегии США после Второй мировой войны. Но в отличие от Соединённых Штатов он претендует сейчас на место мирового полюса нового типа – несилового, идеологизированного и не нацеленного на собирание гомогенного пространства с равной ответственностью сторон.

В связи с тем что интеграционные проекты в АТР имеют и региональное, и глобальное измерение, часть из них неизбежно носит конкурентный характер, а их интересы невольно пересекаются. По этой причине, *в отличие от Европы, где центральной задачей интеграции было создание общего экономического пространства и наднациональных институтов, в Азии главной целью интеграционных усилий является согласование параметров сотрудничества и между участниками, и между проектами, а не их объединение в один. В этом, похоже, и состоит принципиальное отличие порядка от внутренней организации.*

4

Зарождающаяся многополярность, решая одни проблемы, неизбежно создаёт другие. В частности, заметно обострение соперничества между вновь образующимися полюсами. В основу своего околополюсного пространства (зоны влияния) Китай положил идею «Пояса и пути», пока ещё в качестве разнородных кластеров, но с возможной перспективой их объединения. В то же время у России, США и других стран тоже существуют свои проекты, которые пересекаются с китайским и друг с другом, и поэтому свойственные биполярному миру строгие разграничительные линии уже невозможны. Возникает вопрос, как наладить взаимодействие в многополярном мире вообще и между полюсами в особенности.

Реакцией на региональные инициативы Китая стал дальнейший рост военного присутствия США в Восточной Азии. В подготовленной в 2015 г. Пентагоном «Объединённой стратегии XXI века»¹⁸ впервые указывалось на особое значение Индо-Тихоокеанского региона для безопасности США. В 2017 г. новая стратегия, разработанная администрацией Д. Трампа¹⁹, провозглашала появление нового региона – Индо-Пасифики, в существенной части пересекающегося с китайским «Поясом и путём». Исчерпав на этом арсенал средств политико-пропагандистского воздействия, на следующий год США объявили торговую войну Китаю, тем самым положив начало переходу от регионального сдерживания к всеобъемлющему соперничеству.

Китай по-прежнему воздерживался от открытой конфронтации и поспешил подтвердить, что «берёт на себя обязательство работать с Соединёнными Штатами над

¹⁷ О двух последних элементах – финансовой инфраструктуре и резервной валюте см.: [Петров и др., 2019].

¹⁸ National Security Strategy of the United States of America. February 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2015.pdf>. (accessed: 14.12.2020). Согласно «Объединённой стратегии» к 2024 г. планировалось размещение в регионе 60% флота и авиации сил передового базирования ВМС США.

¹⁹ National Security Strategy of the United States of America. December 2017. The White House. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 14.12.2020).

созданием новой модели отношений между крупными странами на основе приверженности избеганию конфликтов и конфронтации, взаимного уважения и взаимовыгодного сотрудничества»²⁰, но одновременно не ослаблял усилий по укреплению своих позиций в регионе. На фоне эскалации противоречий и сокращения товарооборота с США китайский экспорт в ЮВА за первые пять месяцев 2020 г. впервые в современной истории вышел на первое место, вытеснив США на третье [Островский 2020: 365]. Следующий шаг не заставил себя ждать: 15 ноября 2020 г. на основе АСЕАН+6 (но без Индии) было подписано соглашение о создании Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства (ВРЭП) — крупнейшей в мире зоны свободной торговли, что материализовало взаимное притяжение государств региона и продемонстрировало признание перспективности долгосрочного сотрудничества с КНР. После выхода из ТТП США так и не смогли предложить Восточной Азии ничего сопоставимого.

Таким образом, если на сегодняшний день в отношениях Китая с США речь идёт о невозможности сочетания проектов, то в отношении КНР и России в атмосфере конфронтации с Западом стороны не могут себе позволить охлаждения, тем более открытого соперничества. Тем не менее, несмотря на то что «Пояс и путь» — это не интеграционный проект в привычном смысле, он может представлять угрозу планам России на постсоветском пространстве в ещё большей степени, чем усиление экономических позиций Китая в ШОС. Источник этой угрозы заключён не в прямой конкуренции со стороны Китая, а в иной онтологии китайского проекта, который, предоставляя дополнительные возможности, сдерживает центростремитель-

ные импульсы малых и средних государств, размягчает среду.

В этих условиях Россия, как и некоторые другие страны (например, Республика Корея), не может ни открыто присоединиться к китайской инициативе, ни публично отказаться от неё. Именно поэтому возникла формула взаимодействия с неопределённой смысловой нагрузкой — сопряжение. В мае 2015 г. В. Путин и Си Цзиньпин заявили о начале переговоров по координации ЕАЭС и ЭПШП. Затем о поддержке инициативы КНР по созданию ЭПШП заявили главы государств-членов ШОС²¹, в мае 2017 г. на форуме «Пояса и пути» в Пекине было достигнуто соглашение об общих положениях сотрудничества. Тем не менее пока сопряжение ЕАЭС и ЭПШП не успевает за развитием двустороннего сотрудничества Китая со странами Центральной Азии, что ослабляет организующую роль России в интеграционных процессах. Вместе с тем перспективы сохранить свои позиции в регионе у России всё-таки есть.

Инициатором и центром конструируемого пространства стал Китай, что не только наделяет его преимуществами, но и накладывает более высокую ответственность [Лексютина 2018: 60–72]. Обеспечить сохранность инвестиций в политически нестабильном регионе способно только единое политическое пространство. Формирование общего экономического пространства не только притягивает государства региона к Китаю, но и усиливает его зависимость от внешних рынков и источников сырья, что требует повышенного внимания к вопросам безопасности и надёжности взаимных поставок [Клагг 2001: 12].

Для поддержания стабильности Китай использует как мягкую силу, которой отдаёт предпочтение, так и жёсткую. ШОС

²⁰ Чжунго дэ Ятай аньцюань хэцзо чжэнце. Байпишу (中国的亚太安全合作政策) 白皮书 (Белая книга «Политика Китая в отношении сотрудничества в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе» 2017). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/36088/Document/1539911/1539911.htm> (дата обращения: 15.12.2020).

²¹ Ташкентская декларация 15-летия Шанхайской организации сотрудничества. 24 июня 2016 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/094> (дата обращения: 12.12.2020).

в этих условиях не нужно менять свой статус, организация успешно вписывается в новую конструкцию, превращаясь в один из инструментов жизнеобеспечения китайского проекта и сохраняя за Россией роль главного гаранта безопасности в Центральной Азии, а также вдоль ближневосточной и восточноевропейской части маршрута «Пояса и пути». Не имея такой экономической мощи, как Китай, Россия, опираясь на свой военный потенциал, претендует на роль ведущего поставщика безопасности на континенте [Стратегия для России 2016]. Там же, где многосторонние форматы по региональной безопасности отсутствуют, Китай готов прилагать самостоятельные усилия, о чём, в частности, свидетельствует создание им базы в Джибути.

Наконец, ещё одна крупная проблема для Китая – поддержание стабильных отношений со странами региона. С помощью «Пояса и пути» Китай определяет границы своего мира. Пространство вокруг полюса выстраивается с формально независимыми, но уступающими по силе государствами, что возвращает ситуацию к системе отношений, существовавшей в регионе на протяжении столетий. Вместе с тем традиционная китайская модель мироустройства была возможна до тех пор, пока существо-

вала ойкумена, единственным центром которой был Китай. Сейчас, когда появились другие центры силы, а глобализация объединила мир, у малых государств появилась возможность выбора партнёров среди великих держав, одной из которых по-прежнему является Россия.

* * *

«Пояс и путь» – это не интеграционный проект, в основе которого лежит универсальный идеал, ориентированный на однополярность западного типа. В первую очередь это связано с особенностями самого Китая, его цивилизации, которую невозможно воспроизвести где-либо ещё, что серьёзно сдерживает распространение китайской модели. Вместе с тем это не мешает китайской инициативе бросать мощный вызов другим великим державам и существующим принципам международного порядка. Создаваемая им система отношений на пространстве «Пояса и пути», возможно, больше соответствует реалиям современного мира, переживающего первый кризис глобализации, но переход к ней не будет бесконфликтным и безболезненным, прежде всего, вследствие неизбежной «сложной институциональной структуризации» [Барановский 2019: 14].

Список литературы

- Барановский В.Г. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. №5. С.7–23.
- Виноградов А.В. «Однополярная Азия»: китайский региональный порядок // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. №3. С. 23–32.
- Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М.: Политиздат, 1988. 259 с.
- Дэн Сяопин. Вэньсюань. Ди сань цзюань. [Избранные произведения. Т.3.] Пекин, 2004, 432 с.
- Караганов С. Международные тенденции и российская внешняя политика / Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / Под ред. А.В. Лукина. М.: Международные отношения, 2017. С. 12–29.
- Лексютин Я. Китай как ответственная великая держава // *Международные процессы*. 2018. Т. 16. №2. С. 60–72.
- Ло Цзяньбо. Чжунго юй фачжань чжун гоцзя гуаньси вэй шэньмо хэн чжуньюа? (Почему отношения Китая и развивающихся стран так важны?) // *Чжунго тоуцзы*. 2018. №10. С. 30–32.
- Мамонов М. Инерция и новации во внешней политике Китая // *Международные процессы*. 2010. Т. 8. №3. С.40–56.
- Мокрецкий А.С. Китайская дипломатия в эпоху Си Цзиньпина // *Международная жизнь*. 2019. № 3. С. 29–48. [Электронный ресурс]. URL: https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/32019/files/assets/downloads/publication.pdf (дата обращения: 16.09.2020).
- Мосяков Д.В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. 220 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://book.ivran.ru/f/mosyakov13.pdf> (дата обращения: 12.12.2020).

- Островский А.В.* Китайская модель перехода к рыночной экономике. М.: ИДВ РАН, 2007. 205 с.
- Островский А.В.* Китай становится экономической сверхдержавой. М.: ИДВ РАН; Изд-во МБА, 2020. 365 с.
- Петров М.В., Пилипосян А.А., Ткачёв В.Н.* Китай: обретение финансовой власти // Международные процессы. 2019. Т. 17. №3. С. 6–20.
- Портяков В.Я.* Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии. М.: ИДВ РАН, 2015. 280 с.
- Си Цзиньпин.* О государственном управлении. Пекин: Изд-во лит-ры на иностр. яз. 2014. 630 с.
- Стратегия для России. Российская внешняя политика: конец 2000-х – начало 2010-х годов. М.: Совет по внешней и оборонной политике, 2016. 24 с.
- Сумский В.В.* Расширение ВАС: причины и следствия для России / Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества. М.: РИСИ, 2011. С. 67–73.
- Чжао Тинян.* Современный взгляд на китайскую мечту // Международные процессы. 2015. Т.13. №2. С. 21–34.
- Цыганков П.А., Грачиков Е.Н.* Проблема мирового порядка в китайской и российской политической науке: общее и особенное // Политическая наука. 2015. №4. С. 22–39.
- Ю Хунбо.* Чжунго да добянь ваичзяо. (Многосторонняя дипломатия Китая.) // Цзинцзи юй шэжуй фачжянь. 2009. No. 2. С. 41–42. [Электронный ресурс]. URL: <https://m.xzbu.com/1/view-247070.htm> (дата обращения: 20.10.2020).
- Acharya A.* The End of American World Order. Cambridge: Polity Press, 2014. 157 p.
- Clinton H.* America's Pacific Century // Foreign Policy. October 11, 2011. [Electronic source]. URL: <http://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (accessed: 11.09.2020).
- Klare M.T.* Resource Wars: The New Landscape of Global Conflict. New York: Henry Holt, 2001. 289 p.

CHINA'S PROJECT FOR GREATER EURASIA*

ANDREY VINOGRADOV

People's Friendship University of Russia, Moscow, 117198, Russia

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 107031, Russia

Abstract

The Chinese dream of great Rejuvenation of the Chinese nation is inseparable from the restoration of China's positions on the international arena, primarily in East Asia and in Eurasia. Since the beginning of reforms in 1978, Beijing has constantly expanded its contacts with the outside world, at first as a promising and capacious market for industrial equipment, technologies and investment, and since the beginning of the 21st century as an active member of the global governance institutions. Multilateral formats have allowed China to accumulate significant experience in participating in international affairs, especially at the regional level. At the global level, China's activity was constrained not only by opposition from the United States, but also by the specific character of Chinese civilization and its development model. In this context, the concept of "community of the common destiny of mankind" put forward by Xi Jinping did not mean universalization and unification, but, on the contrary, the right of countries and regions to a variety of development paths and forms of international interaction between small, medium and great powers. The rivalry between China and the United States in Asia does not only mean a struggle for leadership in the region, it also means a clash of two concepts of the international order, built on different approaches and values. The Belt and Road project, originally proposed as two regional, unrelated initiatives for Central and South-East Asia, has evolved after their combination into China's first global foreign policy

* This work has been accomplished with financial support from the Russian Science Foundation, research project №19-18-00165.

strategy. Its practical implementation challenges Russia's integration efforts in the post-Soviet space and requires both countries to search for new tools and forms of interaction.

Keywords:

Belt and Road; region-building; community of a common destiny of mankind; China; Eurasia; Russia; conjugation.

References

- (2016). *Strategiya dlya Rossii. Rossijskaya vneshnyaya politika: konets 2000-kh – nachalo 2010-khgodov* [Strategy for Russia. Russian Foreign Policy: late 2000s – early 2010s]. Moscow: Sovet po vneshnej i oboronnoj politike. 24 p.
- Acharya A. (2014). *The End of American World Order*. Cambridge: Polity Press. 157 p.
- Baranovsky V.G. (2019). Novyi mirovoyi poryadok: preodolenie starogo ili ego transformatsiya? [New International Order: Overcoming or Transforming the Existing Pattern?] *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 63. No. 5. P. 7–23.
- Clinton H. (2011). America's Pacific Century. Foreign Policy. Available at: <http://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (accessed: 11.09.2020).
- Deng Xiaoping. (1988). *Osnovnye voprosy sovremennogo Kitaya* [Main Issues of Modern China]. Moscow: Politizdat. 259 p.
- Deng Xiaoping. (2004). *Deng Xiaoping wenxuan*. Di san juan. [Selected Publications. Vol. 3]. Beijing. 432 p.
- Karaganov S.A. (2017). *Mezhdunarodnye tendentsii i rossijskaya vneshnyaya politika* [International Trends and Russian Foreign Policy]. In: Lukin A.V. (ed.) *Novyye mezhdunarodnye otnosheniya: osnovnye tendentsii i vyzovy dlya Rossii*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. P.12–29.
- Luo Jianbo. (2018). Zhongguo yu fazhan zhong goujia guanxi wei shenme hen zhongyao? (罗建波. 2018. 中国与发展中国家关系为什么很重要? 中国投资. 2018年, 第10期, 第30-32页) [Why Relations Between China and Developing Countries are so Important?] *China Investments*. No. 10. P. 30–32.
- Klare M.T. (2001). *Resource Wars: The New Landscape of Global Conflict*. New York: Henry Holt. 289 p.
- Leksyutina Ya. (2018). Kitai kak otvetstvennaya velikaya derzhava [China, Great Power Responsibility, and Global Power]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 16. No. 2. P. 60–72.
- Mamonov M. (2010). Inertsia i novatsii vo vneshnei politike Kitaiya. [Change and Continuity in China's Foreign Policies]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 8. No. 3. P. 40–56.
- Mokretsky A.C. (2019). Kitaiskaya diplomatiya v epohu Xi Jinpinga. [Chinese Diplomacy in the era of Xi Jinping]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 3. P. 29–30.
- Mosyakov D.V. (2012). *Politika Kitaya v Yugo-Vostochnoi Azii: ot proshlogo k nastoyaschemu* [China's Foreign Policy in South-East Asia: from past to present]. Moscow: IDV RAN. 220 p.
- Ostrovsky A.V. (2007). *Kitayskaya model' perehoda k rynochnoi ekonomike* [China's Transition Model to Market Economy]. Moscow: IDV RAN. 205 p.
- Ostrovsky A.V. (2020). *Kitai stanovitsya ekonomicheskoy sverhderjavoi* [China Becomes Economic Superpower]. M.: IDV RAN. 365 p.
- Petrov M., Piliposyan A., Tkachev V. (2019) Kitai: obretenie finansovoi vlasti [China: Gaining Financial Power]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol.17. No. 3. P. 6–20.
- Portyakov V.Ya. (2015). *Vneshnyaya politika Kitaiskoi Narodnoi Respubliki v XXI stoletii* [People's Republic of China Foreign Policy in XXI Century]. Moscow: IDV RAN. 280 p.
- Sumskiy V.V. (2011). *Rasshirenie VAS: prichiny i sledstviya dlya Rossii* [EAS's Enlargement: Reasons and Consequences for Russia]. In: Rossiya v ATR: problemy bezopasnosti i sotrudnichestva. Moscow: RISI. P. 67–73.
- Tsygankov P.A., Grachikov E.N. (2015). Problema mirovogo poryadka v kitayskoi i rossijskoi politicheskoi nauke: obshee i osobnoe [The problem of world order in Chinese and Russian Political Science: common and peculiar]. *Political Science*. No. 4. P. 22–39.
- Vinogradov A.V. (2021). Odnopolyarnaya Aziya: kitaiskiy regional'nyy poryadok [Unipolar Asia: Chinese Regional Order]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 65. No. 3. P. 23–32.
- You Hongbo. (2009). Zhongguo de duobian wajiao 尤洪波. 中国的多边外交. [China's Multilateral Diplomacy.] *经济与社会发展*. 2009年, 第2期, 第41-42页. Available at: <https://m.xzbu.com/1/view-247070.htm> (accessed: 20.10.2020).
- Zhao Tingyang. (2015) *Sovremennyy vzglyad na kitayskuyu mechtu* [Realizing the Chinese Dream.] *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 13. No. 2. P. 21–34.